

Л. Ф. ИШМУРЗИНА
Уфимская государственная академия искусств
им. Загира Исмагилова

УДК 781.7

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО ПОЛИТЕИЗМА

Башкирский политеизм – тема, ставшая предметом научных разработок сравнительно недавно. Российское музыковедение, многие десятилетия опирающееся на философию материализма, пока не выработало чёткого отношения к представленной проблеме из-за апелляции не к природной сущности, а к смыслу данного явления. Однако первые же исследования показали, что политеизм составляет неотъемлемую часть национальной духовной культуры, существует параллельно моноверованиям и, часто переплетаясь с ними, продолжает активно развиваться.

В терминологических определениях явления часто используются синонимы, что показывают следующие цитаты: «Политеизм, см. Язычество»¹; «Язычество... термин, введённый богословами для обозначения ранних форм религиозных верований – анимизма, фетишизма, тотемизма, магии и др.»². Разночтения существуют в этнической дифференциации, поэтому для определения сугубо национальных музыкально-инструментальных проявлений политеизма нами используется термин мѣжусилек (башк. – язычество, огнепоклонство)³.

Для башкир вся природа традиционно была одушевлённой, а значительный пласт верований составляли тотемы (культы Волка, Коня, Птиц и др.). Их материальным проявлением служили не только условные изображения и символы, но и специфические идиофоны, где сложно увидеть собственно музыкальный инструмент – шонгор, тукмак, кабырсак, комбѣз, кынгырау, сѣсмѣу. Сюда же относятся и корпоромузыкальные проявления⁴ – тыпырзау, бармак сиртеу (шартлатыу) и узляу. Анимистические обряды способствовали развитию звукоподражания, часто с применением природных материалов – кайын-кубыз, улѣн хабагы, сѣтлѣук и др.

Развитая система мѣжусилек требовала контроля над соблюдением традиций. Этим занимались особые личности с экстраординарными способностями (баксы, каракитапсы, имсе и др.), использующие специфические музыкальные орудия, обладающие, по поверьям, магической силой (кыл-кубыз, кубыз, дунгур, хорнай, камыш-курай и т. д.).

Первое и наиболее известное упоминание о соединении музыкального инструмента с верованиями башкир связано с именем Ахмада Ибн-Фадлана⁵,

описавшего краниологический обряд с присутствием некоего инструмента *тумбур*. Судя по названию и сопоставив его с арабским происхождением автора, можно предположить, что речь шла о плектронном или фрикционном хордофоне. Возможно, что это была разновидность кыл-кубыза – именно этому инструменту отдаётся предпочтение в некоторых обрядах мѣжусилек. Описание других культурных музыкальных инструментов можно найти в устном народном творчестве – сказаниях и легендах. Они донесли до наших дней сведения о доисламском периоде жизни башкир, когда все инструменты, от простейших идиофонов до тростниковых аэрофонов и гетероглоттических хордофонов, считались орудиями, обладающими магическими свойствами⁶.

К традиционному инструментарию башкир обращались многие исследователи, которые подробно описывали конструкцию музыкального орудия и способ звукоизвлечения на нём (Н. Ахметжанова), репертуар (Р. Рахимов). Эпизодически инструмент рассматривался с позиций анимизма, когда ему приписывалось мистическое происхождение, а его конструкция уподоблялась живому организму (Г. Макаров, Ш. Монасыпов).

Нами проведён поиск музыкальных орудий башкирского этноса, используемых в ритуальных целях, для чего изучена вся известная литература с прямыми и косвенными упоминаниями данного феномена. Привлечён материал собственного полевого поиска и целевого социологического опроса. Объём статьи не позволяет отметить все преимущества активно используемого метода включённого наблюдения, работа продолжается, поэтому далее отмечаются только общие результаты и даются предварительные выводы.

В статье заявленная тема исследуется с позиций этноорганологии, для чего из всего многообразия обрядовых инструментов выделены наиболее характерные, рассмотренные согласно четырёхклассовой этноорганологической систематизации Хорнбостеля-Закса⁷ по источнику звука и способу звукоизвлечения. В некоторых случаях анализировалась этнофония инструмента. Отдельно обозначено национальное корпоромузичество, до настоящего времени не классифицированное.

Хордофоны

В башкирской музыкальной культуре традиция игры на струнных инструментах развита достаточно широко. Наиболее известный хордофон, используемый в мѣжусилек – кыл-кубыз. Именно этому инструменту, согласно имеющимся сведениям, приписывают мистические свойства и к нему чаще всего прибегают в камлании.

Фото 1. Традиционный цитровидный кыл-кубыз М. Кильмухаметова. Мечетлинский район РБ, 1986 г.

Разновидности фрикционных хордофонов под различными названиями встречаются у многих тюркоязычных народов (кобуз, тын'гыринг, топ-шуур и др.). В древнетуркменском письменном эпосе «Книга моего деда Коркута» есть фантастическая версия об изготовлении кобуза – якобы родоначальника всех струнных фрикционных инструментов:

«...Однажды, бродя по лесу в поисках такого дерева, он [Коркут. – Л. И.] увидел шайтанов ... А они (шайтаны) говорили как раз о нём ...»

Фото 2. Мастер Г. Кубагушев с реконструированным лютневидным кыл-кубызом. Абзелиловский р-н РБ, 1993 г.

– Коркут-ата не сможет сделать кобуз, так как он не знает, что его нельзя изготовить из обычного дерева. Нужно взять ствол сухого дерева лох-жиде ... сломанного диким кабаном, сделать из него желобок, обшить шкурой крикливого верблюда, изготовить струны из хвоста звонкоржущего жеребца, укрепить их на подставке из сухого обломка тыквенки и натереть струны клеем растения сасык-курай ... – вот это был бы настоящий кобуз.

Коркут-ата подслушал всё это и сделал, как говорили шайтаны...»⁸.

В этой красивой легенде, кроме мистического архетипа (дерево, сломанное диким кабаном, шкура

крикливого верблюда, звонкоржущий жеребец и др.), есть косвенное указание на материал и последовательность изготовления инструмента, которым пользовались многие мастера-реставраторы.

С именем Коркута связан один из наигрышей, которому также приписывалась мистическая сверхъестественность. Согласно легендам, мелодия, приведённая в нотном примере № 1, была сочинена Коркутом и имела название «Коркыт-кюй».

Пример № 1

Коркыт-кюй (фрагмент)⁹

Считалось, что исполнять её мог только избранный музыкант, отмеченный знаком свыше. Мелодия «Коркыт-кюй» выговаривалась на кобузе в медленном темпе, с частым повторением одного и того же мотивного построения и могла продолжаться довольно долго.

Упоминания о башкирском кыл-кубызе многочисленны¹⁰. В настоящее время выявлена традиция изготовления цитровидного (индекс – 314.11.71) и лютневидного варианта (индекс – 321.313.71) (см. фото 1, 2).

Кроме кыл-кубыза в мѣжусилек использовались и другие хордофоны: *гэзле* (башк. – гусли) (Индекс – 316.2.5-6), *жэя-кубыз* (башк. – музыкальный лук) (Индекс – 311.121.5) и др.

Аэрофоны

Аэрофоны – наиболее многочисленная группа башкирских музыкальных инструментов, используемых в мѣжусилек. Самый известный из них – тростниковый курай.

Но есть множество музыкальных орудий, которые остались вне поля внимания этномузыкологии.

Фото 3. Детский бызылдак. Иглинский район, 2008 г.

Часть из них приводится в таблице 1.

По сведениям фольклорных информаторов разновидности бызылдак (см. табл. 1) в виде просверленных в двух местах симметричных бараньих косточек, с проде- тыми в них жилами животного происхождения, использовались при камла-

Таблица 1

Башкирские аэрофоны, используемые в обрядах мѣжусилек

Название инструмента	Конструктивные Особенности	Индекс	Классификация
Кайын- кубыз Тузын- кубыз	Струя воздуха разрывается при движении сквозь берѣсту	411	Аэрофон с перемещением струи воздуха
Сыбырткы	Конец кнута при движении разрывает струю воздуха	411	Вихревой аэрофон
Улэн хабагы	Струя воздуха разрывается при движении сквозь травинку	411	Аэрофоны с перемещением струи воздуха
Сэтлзук	Половинка лесного ореха, плодоножка желудя	411	Аэрофоны с перемещением струи воздуха
Кузак Хызгыртмак	Расщеплённый стручок акации или гороха	412.11	Аэрофон с соударяющимися язычками
Бызылдак Гѣжлѣк	Пуговица, раскручиваемая на нити, или раскручиваемый отрезок трубки	412.22	Вихревой аэрофон
Япрак	Хлопушка из листа дерева, разрываемого ударом ладони	413	Взрывной аэрофон (хлопушка)
Мылтык кѣбѣге	Ствол ружья	421.111.11	Одиночная продольная флейта без боковых отверстий
Камыш-курай	Флейта Пана	421.112.2	Закупоренные флейты Пана
Тал-хызгыртмак	Свисток из тальника	421.221.312	Свисток без игровых отверстий с подвижным донцем
Таштургай (хызгыртауык)	Свисток из глины	421.221.42	Сосудная флейта с боковыми отверстиями, окарина
Шогор / Буз	Волынка	422.121.6	Двойной шалмей (авлос) с двойной тростью и боковыми отверстиями
Хорнай (Сорнай)	–	422.211.2	Шалмей с одинарной тростью или металлическая труба с мундштуком.
Борго	–	423.111.2	Деревянная труба с мундштуком

нии и, чаще, в девичьих гаданиях. В ряде районов инструмент известен под названиями гождлѣк (башк. – жужжалка).

Под названием бызылдак в центральных районах Башкирии бытует и другой инструмент, представляющий собой вихревой аэрофон комбинированного типа. Ранее для его изготовления использовалась трахея крупнорогатого скота, в настоящее время это – отрезок тонкостенной пластиковой трубки, длиной до 50 см., который при раскручивании начинает издавать протяжный звук глухого гудящего тембра.

Пример № 2 Звукоряд башкирского бызылдака

Управление высотой звука достигается увеличением или уменьшением скорости раскручивания. Таким образом извлекались звуки натурального звукоряда (см. пример № 2).

Аналогичный инструмент описан у многих народов. В частности, это киргизский *зулдак* и его многочисленные аналоги у народов Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время это – детская игрушка (см. фото 3).

Аэрофоны *шугур* (башк. – скрипеть) или *буз* (башк. – шуметь) представляют собой малоисследованную разновидность национальной волынки. Шугур мог быть заимствован башкирами от чувашского «Шубыра (шувыра)» или марийского «Шапара» – инструмента народов, с незапамятных времён проживающих в тесной близости с башкирами. Но не исключено и конвергентное изобретение.

Нами найдено описание источника звука башкирского шугура, представляющего собой разно-

Фото 4. Исполнитель на шугуре
Ф. Никитин.
Ермекеевский район, 1985 г.

видность авлоса: две трубки из расщеплённого камыша, в деревянной основе с раструбом из берёсты или рога. Данная конструкция, согласно сведениям фольклорных информаторов, крепилась к пузырю животного происхождения, а звук извлекался путём надувания и сдавливания пузыря (см. фото 4). На таком инструменте можно было исполнять несложную мелодию с бурдоном.

Другой инструмент – *бюз* – представлял собой сезонный аэрофон, изготавливавшийся во время трудового обряда *каз умэхэ* (башк. – заготовка гусей). Сырой горловой пузырь гуся (полупрозрачная трубка длиной до 15 см) надувался, в один конец вставлялось расщеплённое гусиное перо, в другой – тонкий камыш. Во время вдувания воздуха через камыш извлекался однотонный звук неограниченной продолжительности. После высыхания пузыря инструмент приходил в негодность.

В настоящее время традиционные *бюз* и *шугур* вытеснены из национального быта детскими игрушками промышленного изготовления. Однако данные инструменты имеют глубокие традиции изготовления и применения, связанные с определёнными трудовыми обрядами.

Мембранофоны

Башкирская музыкальная культура не имеет развитой традиции игры на мембранофонах, куль-

Фото 5. Крепление верхней и нижней дек традиционного мембранофона.
Мишкинский район, 1987 г.

тивируемой многими тюркскими народами. Специальных национальных мембранофонов, используемых при камлании, пока не найдено, однако процесс изготовления и рудименты музицирования на них были зафиксированы применительно к детским игрушкам

под названием *дунгур* (бубен, донгор): «Бубен представляет собой берестяной цилиндр, высотой 40 см,

диаметром до 20 см, обтянутый шершавым слоем баяншей брюховины (оло карын)»¹¹.

Другое региональное название дунгура – *кабак* (в некоторых регионах – *награ*).

В Мишкинском районе Башкирии зафиксирован предположительно использовавшийся в камлании дунгур из выделанной кожи, натянутой на каркас. Нижняя дека этого инструмента изготавливалась из овечьей шкуры, а верхняя – из собачьей. Деки прижимались друг к другу деревянными обечайками путём скручивания жил крупного рогатого скота гусиными косточками (см. фото 5).

К сожалению, ритуалы мѣжусилек с использованием специально изготовленных мембранофонов в настоящее время не проводятся. Все потребности в ударных орудиях башкирской музыкальной и ритуальной традиции удовлетворяются игрой на прикладных идиофонах (*батмус*, *тимер капкас*, *каса*, *бяяла* или *тимер хауыт-хаба*, *йэмкэ* и др.).

Идиофоны

Из всего национального разнообразия самозвучающих орудий, используемых в мѣжусилек, особо

Фото 6. К. Г. Гарипова – исполнительница на агас-кубызе.
Мечетлинский р-н, 1985 г.

выделяется *кубыз* (башк. – *кумыз*) – щипковый идиофон (индекс 121.2). Инструмент под различными названиями бытует практически у всех народов мира (у русских – *варган*, в органологии – немецкое *maultrommel*) и связан как с обрядами политеизма, так и с бытовым музицированием.

В Башкирии распространены две разновидности: *агас-кубыз* (см. фото 6) – деревянный *кубыз* (индекс 121.21 – *idioglottic maultrommel*) и *тимер-кубыз* – железный *кубыз* (индекс 121.22 – *heteroglottic maultrommel*).

Кубыз в башкирской инструментальной культуре – знаковый инструмент, стоящий в одном ряду с аэрофоном *курай*¹². Об использовании *кубыза* в обрядах мѣжусилек существует множество устных преданий и легенд, где ему отводится самая разнообразная роль – от атрибута девичьих гаданий до магического звучания при камлании.

Использование *кубыза* в магических целях можно найти у многих тюркоязычных народов: «... Кан'га (сев.-зап. и амурский), кон'кон (вост.) – щипковый пластинчатый идиофон, разновидность *варгана* (инд. 121.211)... Раньше кан'га был шаманским инструментом и практиковался с обрядово-магической целью...»¹³.

В мѣжусилек *кубыз* используется не только как орудие камлания, но и как традиционный звукопо-

дражательный инструмент, с помощью которого имитируются шум леса, ветра, пение птиц и др.

К идиофонам часто относят *тытыр-зау* (*тытырлау*) (башк. – выбивать дробь ногами) – подчёркивание ритмо-артикуляционного строения мелодики при топтывании в наиболее ярких акцентах наигрыша¹⁴. Дробь ногами – начиная с XVII в. наиболее распространённая форма традиционного корпоромузыкального искусства в башкирской культуре, отмечаемая в исследованиях как обрядовые действия.

Обрядовые пляски были основаны на регламентированных движениях и, как у многих народов, связаны с языческими верованиями. Магическую роль при изгнании болезней имели круговые обходы больного *курээ* (башк. – бесогонителем), громкий топот, стук о металлические предметы, удары плётками, пропитанными конским потом, песни-заклинания и даже выстрелы из ружей. Обряд лечения от испуга сопровождался круговым ходом с ритмичным топотом вокруг больного и обращенной к духам умерших предков песней-призывом *харнау*¹⁵.

Обзор всех музыкальных инструментов башкирского политеизма, как и их связь с некоторыми канонами Шарриата, – тема отдельного исследования. Ограниченный объём статьи не позволяет дать развёрнутого анализа заявленной проблемы, поэтому ограничимся вышеуказанными сведениями и далее кратко отметим такие корпоромузыкальные проявления, как *узляу* и *звукоподражание*.

Узляу – сольное двухголосное горловое пение – уникальный вид традиционного искусства, распространённый у башкир, монголов, тувинцев, калмыков и алтайцев. В международной практике имеет определение *overtone singing* (англ. – обертоновое пение).

Региональных названий данного традиционного искусства на территории современного Башкортостана насчитывается несколько: узляу, хоздау, тамак-курай, кукрек-мэнен, кукрек-халып и др.

Подробное исследование узляу было сделано фольклористом Х. С. Ихтисамовым в 1984–1988 гг., который сделал следующий вывод: «...В искус-

стве горланного пения налицо реликты древней идеологии *тотемизма* и *шаманизма* [курсив автора. – Л. И.] ...»¹⁶.

Исследованием феномена горлового двухголосия занимались многие учёные, среди их трудов особое место занимает монография З. К. Кыргыз¹⁷. Башкирскому узляу посвящены работы Р. Г. Рахимова¹⁸.

В настоящее время на территории Башкирии не отмечено использование узляу в обрядовом содержании. Данный вид мѣжусилек получил своё отражение в шоу-постановках вторичного фольклора.

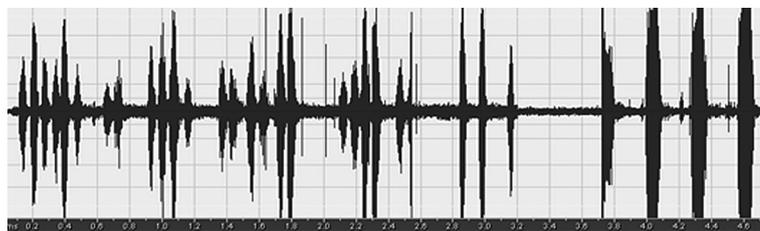
Звукоподражание как разновидность национального творчества отметил в конце XIX в. С. Рыбаков¹⁹. Этот вид корпоромузыкального искусства бытует и в настоящее время. Так, в 2012 году нами были записаны некоторые примеры этого традиционного искусства от информатора Н. К. Ханова (24.08.1963 г. р., Учалинский р-н), который самостоятельно овладел искусством подражания звукам природы и, в их числе, голосам диких и домашних животных, птиц, шуму леса, звуковой палитре сельской жизни и т. д. Некоторые музыкальные проявления звукоподражания трудно отразить в стандартной семиографии, однако в некоторых случаях это можно сделать с помощью диджитальных технологий.

Приводим анализ одной из записей подражания пению птицы путѣм конвертации звука из WAVE в MIDI (см. примеры № 3, 4).

Хотя полученные результаты ещё обрабатываются, но уже по первым данным можно сделать вывод о перспективности представленного метода конвертации в работе с первичным музыкальным материалом (расшифровка и аранжировка, композиторское творчество и др.).

Пример № 3

Запись подражания пению птицы (WAVE интерфейс)

Пример № 4

Компьютерная конвертация примера № 3 (Нотный интерфейс)

В период 2012–2013 гг. был проведѣн специализированный опрос среди этнических башкир, проживающих в сельской местности, с целью поиска сохранившихся в настоящее время обрядов мѣжусилек. Первые же сведения показали сильное влияние медиа-средств, усилиями которой активно насаждается чуждая башкирам духовная культура: костюмированный Хэллоуин, мистическая экстрасенсорика, сказочные и литературные персонажи народов Западной Европы, фантастические герои голливудских фильмов и пр.

Отражение этого влияния особенно заметно в среде башкирской молодёжи. В социальных же группах старшего и среднего поколения отмечены не только рудименты, но и эмпирические традиции мэжусилек. До сих пор бытует обычай нашивания на одежду различных шумящих амулетов-идиофонов, для чего используются когти животных и птиц, бусинки, раковины, пуговицы, монетки, которые своим звоном создают благоприятную ауру. На кисть руки для этих же целей надеваются шумящие браслеты из ценных металлов. В свадебных обря-

дах широко используются разновидности *кынгырау* (башк. – колокольчики). При рождении детей мать развешивает над колыбелью монетки, бубенцы, погремушки из косточек и ракушек и другие звучащие обереги и т. д.

Эти и другие примеры позволяют сделать вывод, что многие обряды мэжусилек в настоящее время не только используют аутентичную и адаптированную музыкально-инструментальную атрибутику в своём первоначальном виде и значении, но и сохраняют мистическое отношение к звучащим орудиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Политеизм // Башкирская энциклопедия. – Уфа, 2009. – Т. 5. – С. 135.

² Сергеев Ю. Н., Шигаева Е. Г. и др. Язычество // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа, 1996. – С. 661.

³ Слово «Мэжусилек» имеет иранские корни (И. Г. Галляудинов). В современной трактовке буквально переводится как «язычество» (Башкирско-русский словарь. – М.: ГИНС, 1958. – С. 397) или «огнепоклонство» (Башкирско-русский словарь. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – С. 448), но имеет труднопереводимые этимологические нюансы.

⁴ Корпоромузыка (от лат. *corpus, corporo* – тело) буквально переводится как «музыка из тела». Отмечает возможность использования человеческого тела в качестве музыкального инструмента. Введён в научный оборот ленинградскими этноорганистами под рук. И. В. Мациевского в 80-х годах XX в.

⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер., коммент. и ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л.: АН СССР, 1939.

⁶ Каноны Шариата не поощряют пение, кроме таджвида, и игру на музыкальных инструментах, за исключением специальных мембранофонов.

⁷ Hornbostel E. M. von, Sachs C. Systematik der musikeninstrumenten. – Zeitschrift für Ethnologie, XLVI, 1914.

⁸ Бартольд В. В. Книга моего деда Коркута. – М.; Л.: Наука, 1962.

⁹ Кыл-кубыз строя *A-D*. Нотный пример приводится по изд.: Гизатов Б. Казахский оркестр имени Курмангазы. – Алма-Ата: КГИХЛ, 1955. – С. 84.

¹⁰ Рахимов Р. Г. Башкирские инструментальные ансамбли устной традиции: этноорганиология. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008.

¹¹ Абсаликова Ф. Ш. Игры и развлечения башкир (конец XIX – первая половина XX в.). – Уфа: Гилем, 2000. – С. 58–59.

¹² Схематичное изображение семи лепестков цветка курая входит в государственную символику Республики Башкортостан.

¹³ Сиськова А. Нивхские традиционные музыкальные инструменты // Проблемы традиционной инструментальной музыки народов СССР: инструмент – исполнитель – музыка: сб. науч. тр. – Л.: ЛГИТМИК, 1986. – С. 95.

¹⁴ Мациевский И. В. Традиционная инструментальная музыка и хореография: к проблеме системного сопоставления // Музыка и танец: вопросы взаимодействия: дистанционная науч. конф. / Адыгейский ГУ, 2002. – URL: <http://www.adygnet.ru/siteold/nauchrab/Konferenc/Music-Dance/Statyi/statyam.htm> (Дата обращения 12.11.12).

¹⁵ «Харнау ... жанр баш. фольклора, заклинательно-заговорные формулы ... Произносится баксы во время обряда камлания. Чёткий ритмизованный текст сопровождается спец. телодвижениями. Исполняется ... в сопровождении дунгура, кубыза или кыл-кубыза» (Башкирская энциклопедия. – Уфа, 2009. – Т. 7. – С. 127).

¹⁶ Ихтисамов Х. К проблеме сравнительного изучения двухголосного горланного пения и инструментальной музыки у тюркских и монгольских народов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 2. – М., 1988. – С. 216.

¹⁷ Кыргыз З. К. Тувинское горловое пение: этномузыкально-ведческое исследование. – Новосибирск: Наука, 2002.

¹⁸ Рахимов Р. Г. Башкирское горловое пение «узляу» в традиционной музыкальной культуре // Музыковедение. – 2005. – № 3. – С. 22–26.

¹⁹ Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральский мусульман с очерком их быта. – СПб., 1997.

Ишмурзина Лилия Фанировна

преподаватель кафедры
народного художественного творчества,
соискатель кафедры этномузыкологии
Уфимской государственной академии искусств
им. Загира Исмагилова

